

Ваше Святейшество, честные отцы, уважаемые коллеги.

Осталось предложить собравшимся некоторое соображение о том, как сегодняшнее церковное состояние соотносится с нашим историческим прошлым. Я надеюсь, они окажутся небесполезными.

Во время жестокого кризиса в России, который поразил всех нас и в котором виновны все мы, нельзя не оглянуться на прошлое, десятилетия и даже веками подготовившее этот кризис. Русская Православная Церковь тоже вложилась в это будущее течение и тоже разделает ответственность за сорушительное историческое поражение русского народа, испытанное и испытываемое им в XX веке.

250 лет преследования единоверцев

Глубоко убежден, первая роковая трещина в нашем хребте, первый жестокий удар по нашему духовному и национальному сознанию мы нанесли себе губительным расколом XVII века, безоглядно жестокими карами государственной и церковной властей в отношении к миллионам вернейших и трудолюбивших своих подданных. Это жестокое, мистическое преследование своих единоверцев продолжалось — невероятно вымогать! — 250 лет, до 1905 года, и прекращено было не от раскаяния той или иной власти, а от общего сотрясения России — уже предвестника конечного обвала. Скоро пройдет с того года еще столетие, и поднялись ли мы до того, чтобы наконец просить прощения у гонимых? Нет, в разных ветвях нашей Церкви решается только простить их, гонимых, и снять с них анафему. Одна эта историческая борозда обнажает, насколько же мы не гибки сознанием и насколько же не созрели до широкодушия.

Мы и понесли свою расплату. Под имперской дланью правительства Церковь притягнется терять свою независимость и свой духовный авторитет. Наша Церковь, вслед за потерей большей части образованного класса, стала в конце XIX века и в начале XX-го терять верующих в самой центральной и преданной части народа — христианской, в селе, не говоря уже о простионадре городе. Это нравственное падение уже тогда открылось внимательным взорам, а с приходом революционных лет стало питьевой почвой, поставщиком кадров молодежи, так потребной революционерам для их разрушительных действий.

Духовное падение совпало с духовным возрождением

Низшей точкой падения самодостойности Русской Православной Церкви, уничтожением ее видится мне февраль-март 1917 года, когда церковные иерархи, Святейший Синод, запутанный политическим и идеологическим ветром эпохи, не только не нашли в себе стойкости преградить путь развали России, сказать свое громкое гласное НЕТ, но послушно включились в игру февральских единоверцев и даже в пошути их терминологию. К счастью, от этого низшего мира начался уже и подъем церковного духа, и воодушевленные народные выборы митрополитов Тихона и Вениамина, и началась заседаний Поместного собора, оставившего нам наследство, и по сей день драгоценное, еще во многом не использованное.

Однако это начавшееся духовное возрождение уже тогда непроправимо отставало от стремительного хода революционных сокрушений в России. Да, в коммунистических зверствах 20-х годов Русская Православная Церковь выстояла сотнями и тысячами мучеников, отдавших жизнь бескобзно за веру, с душевной твердостью античных первохристиан. Их пример, крепость и правота их духа — заслуг нам и свидетельство, что жизнь поток веры не пресекалась в русском народе после Серафима Саровского на все десятилетия массового обезбоживания.

Однако на поверхности, для мирового обозрения видится другое: большевики грабили алтаря, закрывали и оскверняли десятки тысяч храмов, сотни монастырей и лишь в 1918-1920 годах встретили разрозненные попытки сопротивления, а

Русская мысль. — Париже. — 1996. — 7 марта. — с. 16.

Александр Солженицын

Выступление на «Рождественских чтениях»

(Москва, 21 января 1996)

в последние десятилетия, при полном разорении и омертвлении православного лица страны, наш народ не имел уже воли сопротивления. Зато в каждом селе находился доброволец взлезть на купол храма и сшибить крест.

И в глазах всего мира так и висит над нами повторяющимся укором: «Как же ваш народ все это допустил? Значит, он сам этого хотел?» Тем, кто не пережил нашего ада, и обяснять невозможнно. Снаружи и издали было незаметно, что именем этого большевистского гонения на Церковь и отбирали и закаляли подлинно верующих, готовых на жертву или даже смерть за веру.

Хорошо помню по своим малышическим впечатлениям, как в конце 20-х годов именно эта атмосфера преследования Церкви создавала притягательность посещения церковных служб, распягивала душу. Конечно, массовое отпадение от христианской веры — это процесс мировой, и длится уже не первое столетие. Русский народ мимо авантюрий в нем. Но сложилось так, что именно на нас большевистское глумление столь кричаще вывело мерзоты той пропасти, в которую пал народный дух.

Однако, чтобы не сваливать все произошедшее на силу внешнего, относительного христианства, надо самоответственно спросить, а в чем мы сами подготовили это прорвал. Из первых вопросов, встающих тут, это вектор неотмирности, он органически присущ христианству, — но в уклонении русского православия от мира сего не было ли избыточного перекоса? Верна ли была почти принципиальная внесоциальная преследование или, точнее, не только преимущественная, но и почти всецелая обра-

щенность православия к воздействию личностному? Это не раз отмечали наши мыслители. Бердяев писал: «Православие не воспитало русского человека для исторической жизни, для самостоятельности и дисциплины!». Иван Ильин: «Народное самочувствие еще от Московской Руси таково: мы храним единственную веру, и нам нечего перенимать у других. Но это церковное национальное самомнение, неподвижность быта и сознания — опасная духовная инерция».

Общественная активность Церкви

Изучая революционную русскую историю, можно увидеть, что у нас было в арсенале как будто только два общественных ответа: или отслужить молебен, или отслужить панихида. В таких двух повторяющихся точках истории, как убийство Александра II и убийство великого реформатора П.А.Столыпина, разве мы отвертили на злодейство усиленно продолжить и разить реформы? Нет, только панихидами. Считали ли современники, что это освобождает их от действий, а на судьбоносный урок самоновского поражения в 1914 году мы и панихидами не отозвались, но перекрыли ликованием о прибытии в ставку чудотворной иконы.

Посмотрите, как социально энергичны и католицизм, и протестантизм, и ислам, и иудаизм. Они активно участвуют в общественной жизни верующих. Конечно, и русская дореволюционная Церковь создала по стране сеть багдадов, приступов, строила православные прославленные впоследствии болыни, и все же лишь православие разрешало себе чрезмерно ослабить внимание к земной жизни, в помышлении о мире ином, и посмотрите, как большевики острее всего боялись и запрещали именно социальное проявление нашей Церкви. Уже

уступив с сороковых годов и часть храмов, и право богослужения внутри храмов, они жестоко подавляли всякое церковное движение из храма в обществе, в быт, даже в благотворительность. А уж в нашем сегодняшнем, невиданно смятенном обществе, при нашей потерянности не только в духовной, но и в общественной жизни, когда в стране не стало уже почти никаких организованных сил, истинно озабоченных судьбой России, ко-

не в зале. Да, учителя — терпеливые люди, они будут слушать не прерывая и молча все, что им говорят, даже если с чем-то не согласны. Но попробуйте по-доброму образом поговорить с рабочей аудиторией, которая собирается ныне исключительно по поводу зарплаты! Засмеют, зашкварят, не захотят выслушать и понять».

И заключает:

«Эта встреча убедила меня, что в ближайшие годы массового возвращения народа не произойдет. И все возбужденные несколько лет назад разговоры о религиозном ренессансе, о переполненности храмов — только благиеожелания. Никто из моего круга не остается в безрелигиозном состоянии, многие часто уходят в инославие, в секты не потому, что им так нравятся баптисты, а потому, что Православная Церковь кажется им косной, архаичной, громоздкой, как будто лишающей самостоятельности на пути к Богу».

Вот такая обойдная разобщенность: священники — там, сами по себе, а мы — здесь и отвергаем непроверенное национальное разумом.

Чтобы быть внятным для современников, надо говорить на их языке

Очень понимаю эту трудность объяс-

ниться и быть понятым ныне в области

религиозных размышлений. Предложу

мой малый опыт. В «Красном Колесе»

я написал несколько религиозных и церковных глав, но на каждом абзаце, над каждой строкой я старалась ощущать и видеть читателя только современного, не смысла допустить выражений догматически-вещественных или говорить языком уже отошедшей поры. Что поделать, мы живем в этом труднейшем времени, после десятилетий грубейшего восприятия, вследствие жизни уже по-новому ожесточившемся в последние годы.

Мы обязаны напрячься и понять со-

временное безбожное сознание и его

самоуверенности, и его неуверенности,

и искать, искать все возможные точки

наших положительных контактов с

ним. Мы обязаны учиться разговаривать

и с полными атеистами, и с ищущими веры, без самодовольства единственных хранителей истины. И на языке, который приемлем для современников, не отталкивает их. Рассыпывать суть их вопросов и давать им ответ в формулировках

соответственно развитию сегодняшнего человека. Вот тут пригодится исконная православная традиция личностного воздействия.

Да, православному духовенству еще

много понадобится усилий, чтобы утверждать в себе авторитет духовного на-

правителя масс. И надо крайне остерегать самим и удерживать тех, кто в про-

поведничестве отдастся воинствующему

антитуристичному направлению, да еще с

повторением прежде усвоенных приемов тоталитарной эпохи. Но как же нам

после высших достижений православной мысли в XX веке позволить себе отде-

ляться от них и опуститься ниже!

Справедливо во многих исторических си-

туациях, это вполне относится и к сего-

дняшнему положению Русской Православной Церкви, николко не колебля ее основ.

Православному миропониманию надо

искать и доводы, и формы, и действия,

внятные национальным со-существенникам. Да и как можно спорить с абсолютной неизбежностью какого-то обновления форм и обряда богослужения?

Кто бы в расколом споре XVII ве-

ка предсказал, что именно мы — наслед-

ники тогдашних победителей, говорив-

ших: «Нет ничего страшного в естествен-

ном изменении обрядов», — через три

века скажем: «Нет, никаких изменений не допустим!». В какой-то степени неиз-

бежно обновлять не только язык воззре-

ний к внешнему миру, язык проповеди,

но и сам язык богослужений. Архиерей-

ский собор 1994 года выразил согласие

и с этим: «Продолжать изъянное Пом-

естническим собором 1917 года намерение

по упорядочению богослужебной практи-

ки и редактированию церковных текстов».

российское государство позволить себе быть отделенным от христианской этики, от порожденной православием национально-культурной русской традиции?

Да еще после того исторического груза злодейств, которые государственная власть в нашей стране 70 лет совершила по отношению к Православной Церкви, длительное время и жесточее всего именем кней. Да, Церкви почти повсюду в мире отделена от государства, но духовная традиция не поддается юрисдикции

православия. И ни у кого сегодня не вызовет протеста выражение «Франция, Италия, Испания, Литва — католические страны» или «Католическая Церковь — душа Польши», однако с негодованием будет в публичности воспринята фраза «Православие — душа России», хотя именно из православия и на православии выросла Русь.

Христианские конфессии должны сотрудничать в противостоянии мировому атеизму

При всем известном уже общем мировом падении христианства в нашу эпоху (пишут, например, что в Германии в недавнем опросе 40% не могли объяснить, в чем суть праздника Рождества), казалось бы, все отдельные ветви его, отдельные христианские конфессии должны дружески сотрудничать в противостоянии мировому атеизму — и уж никак не конкурировать, не стараться отобрать влияние друг у друга.

Но именно это происходит сейчас на территории России. И противостояние, и католицизм с энергичным напором устремились завоевывать верующих в нашей стране, хотя насколько естественное было бы им усилить заботу о пастыре, теряя в своих странах, где церкви часто пустуют. И неужели такая агрессивная конкуренция — в духе примитивного экуменизма? Как тогда понимать слово «экуменизм»? Да, конечно, при высокой сенсации юридических представлений нашего века все имеют равные права на все. Но как часто это равенство оказывается мнимым, если оно не подкреплено презренным металлом, так и в нашем случае, после семидесятилетнего, также и материального разгрома русского православия, при его нынешней материальной бедности, какие равные возможности могут быть при вальяжном перевесе иностранных проповедников, покупающих длительные телевизионные программы или финансирующих свои организационные структуры на территории России?

Все мы, в том числе и наше государство, ответственные и перед русской историей, и перед православной национальностью, устремились завоевывать верующих в нашей стране, хотя насколько естественное было бы им усилить заботу о пастыре, теряя в своих странах, где церкви часто пустуют. И неужели такая агрессивная конкуренция — в духе примитивного экуменизма?

Так и мы не можем войти в веру иначе, нежели несся с собой наши национальные характеристики и мироощущения, только в христианской вере возвысить их. Никак не правы те, кто говорит: «Стань просто христианином и забудь о своей нации. Это и не осущество, и попирает наведомый нам Господь, замысел о нациях. Приводим повод: ведь сказано в Евангелии: «несть эллин и иудея», однако изречение это имеет в Евангелии и продолжение: «несть женского пола и мужского», а значит, вся мысль Нового Завета не должна быть понята столь примитивно».

За последние почти столетие уничтожения, плененности, страдальства нашей Церкви мы были лишиены простора естественного развития. Человечество совершило в понятиях и быта несколько стремительных прыжков-переворотов, и мы теперь должны не просто подняться на ноги, но и не упустить влияния на наш столь изменившийся народ. Большинство современного человечества — это новые язычники, вход к ним с христианской проповедью труднее, чем к язычникам античного времени. Нынешние язычники либо нахваляются верхом разных идеологий, философий, наук, либо даже изощрены в них и во всяком со-беседнике естественно претендуют встретить уровень не меньший.

За последние полтора года на многочисленных публичных встречах в России мне не раз приходилось слышать от со-течественников фразы, подобные такой: «Да, мы, конечно, за духовное и